

**VITEBSKY PIERS. DIALOGUES WITH THE DEAD:
THE DISCUSSION OF MORTALITY AMONG
THE SORA OF EASTERN INDIA.
CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 1993. 294 P.¹**

«Моим друзьям сора, их предкам и потомкам, а также моей семье» — так звучит авторское посвящение рецензируемой книги «Диалоги с умершими. Дискуссии о смерти у сора Восточной Индии». Сора (или саора, савара) — одно из так называемых «зарегистрированных племен» Индии, проживающее в горных районах восточного побережья Индийского полуострова, на границе штатов Орисса и Андхра Прадеш. Численность их составляет, по последним данным, 452 тыс. человек. Основные занятия — подсечно-огневое и орошаемое земледелие, охота, собирательство. Язык сора относится к группе языков мунда и не имеет письменной традиции. Отличительной особенностью культуры сора являются почти ежедневные (до пяти раз в неделю) диалоги, которые ведут между собой живые и умершие через посредство находящихся в трансе шаманок или шаманов. Подобные диалоги могут вестись до десяти раз в день — в зависимости от времени года и обстоятельств. Обычно они происходят в связи с определенными событиями — установлением причины заболевания, похоронами, сбором урожая, наречением имени и др. В этом действе принимают участие более или менее близкие родственники. Оно непременно сопровождается обрядом жертвоприношения. Именно эти диалоги и являются предметом исследования книги Пирса Витебского. С такого типичного диалога он начинает книгу, сразу вводя читателя в атмосферу обыденной жизни сора и знакомя с материалом, которым будет оперировать на протяжении всего исследования. Я приведу полностью этот текст с авторскими ремарками, чтобы читатель составил себе представление о характере источников, являющихся основой для освещения особой жизненной философии народа сора, которой, в сущности, и посвящена книга. Этот текст представляет собой разговор между недавно умершей девочкой и ее молодой матерью, беседующей с умершей через посредницу-шаманку, в качестве которой в данном случае выступает тетя девочки:

Девочка [прибывшая из Нижнего мира, очень слабым голосом]:

Мама, мама, где мои носовые кольца?

Тетя [отвечая за мать девочки]:

Они, должно быть, сгорели в погребальном костре, дорогая, мы искали, но не могли найти их. Я не знаю, может быть, они отскочили в сторону или куда-нибудь еще.

---

¹ Впервые опубликовано в: Кунсткамера: Этнографические тетради. 1998. Вып. 12. С. 419–425.

- Девочка [обиженно]: Почему ты не показываешь мне мои носовые кольца? Они были такие маленькие.
- Тетя: Они были такие маленькие. Если бы я нашла их, я бы, конечно, показала их тебе [пауза; тетя продолжает]. О, любовь моя, дорогая, не переноси свою болезнь на других. Разве ты можешь сказать, что твои мать и отец не приносили ради тебя жертвоприношения? Они не отворачивались от тебя, не отказывались помогать тебе, разве не так? Вспомни о сви-нях, цыплятах, козах, буйволах, моя любимая дочь. Разве не говорил твой отец: «Зажжем огонь, пусть она останется дома, не идет на работу, посмотри на нее, лицо ее стало как у старой женщины», не говорил ли он так?.. Что? Двух твоих золотых ожерелий уже нет здесь. Их теперь носит Сарсуно.
- Девочка [обращаясь к своей молчащей матери, крича]: Мама, ты была со мной ужасна, ты ругала меня, ты называла меня «девочка-шрам», «прокаженная», ты говорила: «Ты уже большая, почему я должна кормить тебя, а ты сидишь и ничего не делаешь?»
- Тетя: Она не думала так, она не могла не сказать тебе, в конце концов, ты уже выросла, надо было делать там много работы.
- Девочка [сердито]: Я хочу мои ожерелья... Я все время спотыкаюсь на поворотах, я не могу выпрямиться. [Нарочито детским голосом] Почему у меня нет моих носовых колец? Я должна копать, рыть, выравнять землю [в Нижнем мире] и все без моих носовых колец. Моя мать пришла из Кхонды, она дала их мне, когда я была в ее животе, они принадлежат ее семье. Я вышла вся в шрамах, мои пальцы стали маленькими. Болезнь напала на меня. Но сейчас внизу я вылечилась: предки [отца] спасли меня и теперь я здорова.
- Тетя: Так ты не передавай, не переноси ее на мать и маленькую сестру.

- Девочка: Если я схвачу их, то схвачу, если коснусь их, то коснусь, если передам ее, то передам. Это уж как выйдет. Но сейчас у меня все хорошо.
- Тетя: Твой кашель, твоё тяжелое дыхание, твои шрамы, твои раны не насылай на них...
- Девочка: Моя матушка не заботится обо мне... [возвращается в Нижний мир].

Тексты, подобные вышеприведенному, автор анализирует, соотносит с внетекстовыми реалиями, событиями, происходившими в общине сора, рассматривает их в разнообразных семейных, родственных и социокультурных связях и выстраивает целую систему представлений сора о жизни и смерти, о времени и о себе, раскрывает процесс формирования личности и роль различных психоэмоциональных состояний в среде этого народа, затрагивает проблемы шаманизма и ряд других связанных с ним проблем этнопсихологического и философского характера.

Нет необходимости особенно подчеркивать то обстоятельство, что каждый научный труд несет на себе отпечаток личности его создателя. Но следует особенно обратить внимание на то, что книга «Диалоги с мертвыми» носит в высшей степени личностный характер. Поэтому прежде чем приступить к ее рассмотрению, я скажу несколько слов о ее авторе — докторе Пирсе Витебском.

В настоящее время Пирс Витебский работает в Институте полярных исследований им. Скотта при Кембриджском университете и является заместителем директора этого Института. В последние годы в своей научной деятельности он ориентирован в основном на изучение народов Северной Евразии, в том числе и сибирских — в первую очередь якутов и эвенков. Но начало его этнографических исследований было связано с изучением народов Южной Азии — Шри-Ланки и Индии и, прежде всего, племени сора. Подобно многим своим выдающимся предшественникам, он избрал испытанный метод постижения культуры изучаемого народа — изучение их языка и жизнь среди них. Он четыре года пробыл в Индии (1976–1983), из них полтора года — среди сора (1976–1977 и 1979) и полностью включился в жизнь деревенской общины, выполняя функции как рядового ее члена, так и ритуального лица: вместе со всеми жителями деревень он принимал участие в их повседневной работе, глубоко проникся их мыслями и переживаниями и играл весьма активную роль в качестве помощника шамана в похоронных обрядах, обрядах лечения, наречения имени младенцу и многих других. Многое из того, о чем говорится в книге, не только пережито и прочувствовано самим автором, но почерпнуто непосредственно из личного опыта, в том числе из опыта общения с умершими — в диалогах с ними. Люди племени сора, обычно нелегко допускающие постороннего в свой внутренний мир и жизнь своей общины, в данном случае относились к Пир-

су Витебскому как к своему соплеменнику, занимающему такое же положение, как самые важные исполнители ритуалов. Сам исследователь неоднократно признается в любви и дружеской привязанности к людям сора. Отнюдь не считая их просто объектами своего изучения, он подчеркивает, как много дали они ему для осознания собственной личности и насколько изменили его жизнь. Преисполненный высокими чувствами по отношению к сора, автор посвятил им свою книгу, на страницах которой запечатлел образы конкретных людей, их очень непростые, порой трагические судьбы и жизненные коллизии, подвергая их тщательному анализу, интерпретируя их с позиции ученого, вскрывая логику поведения и специфику переживаний действующих лиц книги. Биографии и конкретные ситуации и отношения между людьми стали материалом, источником для философских размышлений, обобщений и классификаций, с помощью которых исследователь стремился максимально точно представить мировоззрение сора в целом. Позже, в 1984 и 1992 гг., П. Витебский приезжал к сора на более короткие сроки и увидел наблюдавшиеся им ранее явления и процессы в некоей динамике, с точки зрения определенной временной перспективы, что также нашло отражение в книге.

Необходимо отметить еще одну характерную черту исследовательской работы ученого, которая, казалось бы, должна быть несомненной для любого этнографа, но отнюдь не является таковой. Речь идет об освоении языка как неперемногого условия вживания в культуру изучаемого народа. Витебский решительно отверг метод общения через переводчика или через язык-посредник, которым пользовались некоторые его предшественники. Он начал свою работу с изучения языка, что, по его словам, очень замедлило этнографическое исследование на первоначальном этапе, но чрезвычайно обогатило его в последующий период. Хорошо зная язык и общаясь с сора только на нем, Пирс Витебский смог не только понять смысл слов, понятий, выражений, но и уловить целую гамму чувств, выраженных в интонационном строе речи, в ее эмоциональной окрашенности, в едва уловимых оттенках настроения говорящих. Сам автор отмечает, что большая часть его свидетельств — это разговоры сора между собой и с ним, причем свои чувства и переживания они лишь частично выражали в предложениях, обусловленных теми или иными обстоятельствами, гораздо чаще в их речи присутствовало стремление к самораскрытию. Благодаря совершенному знанию языка Пирсу Витебскому удалось передать не только понятийно-смысловое содержание диалогов с умершими, но и психоэмоциональную тональность говорящих. Соотнесенность действий с определенным словоупотреблением, разъяснение терминологии постоянно присутствует в книге. Кроме того, лингвистический компонент составляет у автора неотъемлемую часть этнографического исследования. Достаточно красноречиво это проявилось в 8-й главе, где автор связывает языковые категории залога, переходности и непереходности с изменением внутреннего состояния умершего и с оппозицией «агрессия — жертва агрессии».

Думаю, уместно в данном контексте передать собственные впечатления от общения с Пирсом Витебским, когда он несколько месяцев в 1988 г. был на стажировке в Санкт-Петербурге. Меня, как и многих моих коллег, сразу привлекла его чрезвычайная открытость, естественность поведения, легкость, с которой он адаптировался к тогдашним условиям жизни, и, конечно, прекрасное владение русским языком. Он приобрел многочисленных друзей среди коллег смежных специальностей — лингвистов, археологов, востоковедов. Уже тогда мы заслушивались его рассказами о жизни среди народа сора, особую прелесть которым придавало не исчезающее ни при каких обстоятельствах спасительное чувство юмора. Поэтому нетрудно представить себе, что он свободно и естественно приспособился жить среди восточно-индийского племени, хотя и приходилось преодолевать немало трудностей, о которых он тоже ярко и выразительно пишет в своей книге.

Книга «Диалоги с умершими» состоит из 3 частей и 10 глав. Внутри каждой главы имеется по несколько разделов. Сразу надо отметить, что книга написана нетрадиционно, в ней совершенно отсутствуют некоторые привычные научные стереотипы и категории. Я переведу полностью ее содержание, чтобы можно было составить представление как об особой научной терминологии автора, так и о том, в каком ключе идет исследование:

Часть I. Сонум: сознание, продолжающее существовать после смерти

1. Диалоги между живыми и мертвыми
  - Столкновение
  - Основные аргументы
  - Заметки о шаманах и других посредниках
2. Народ сора
  - Племя в индуистской Индии
  - Основные действующие лица
3. Формирование личности у сора
  - Постепенная трансформация в путешествии от рождения до смерти и далее
  - Солнце = женщина как кузнец и эмбриолог: жар, форма и развитие сознания
  - Имя младенца: деторождение и линидж мужа
  - Судьба и восприятие других личностей
4. Интерпретация (сигналов) умершего и уговоры его
  - Предок и Переживание: местоположение двух различных состояний умерших
  - Встреча, приветствие и освобождение сонумов
  - От медицинской истории к биографии
  - Разговоры для самого себя: формальные споры и обычные беседы

Часть II. Ответ на недавнюю смерть

5. Транскрипция диалога из расспросов Джамано
  - Ухудшение отношений между Джамано и Менгалу
  - Смерть Джамано и первые расспросы во время кремации
  - Вторые расспросы у могильного камня Джамано

6. Освобождение мертвых и защита живых
Продолжение похорон Джамано: космическое спасение его Предками
Социальный порядок среди умерших: Сонумы Земли как переходная ступень между Переживанием и Предком
Калейдоскоп чувств между живыми и умершими

Часть III. Операции по исчислению всех прошлых смертей

- Транскрипция диалога с девятнадцатью умершими
Память и те, кто помнит: состояние разума у умерших и живых
Эмоциональное выражение и степени освобождения
Разговоры с двумя частично освобожденными сонумами
Метафизические затруднения: перевод сонума как личная «Память» на общественной арене
Глагольные формы: как умершие передают свое состояние рассудка живым
9. Забывание умершего
Последовательное растворение личности после смерти
Завершение наследования и исчезновение мест Земли = Памяти
Радость наречения имени ребенку: возвращение основных атрибутов умершего
Остатки личности и окончательная смерть Памяти
10. Диалоги с собой? Тяжелые утраты в племени сора и принципы современной психотерапии.

«Это книга о том, что думают люди сора о смерти — своей и окружающих их людей», — пишет автор. Смерть, по их представлениям, означает не исчезновение или отсутствие жизни, это только иная форма ее существования. Если быть более точным, то жизнь и смерть следует считать двумя способами существования человека, двумя его состояниями. Мир мертвых столь же реален, как мир живых, а жизнь после смерти — такая же, как при жизни. Люди в ней так же вступают в браки, занимаются хозяйством, обсуждают различные вопросы с живыми и т. д. Только мир умерших — это мир перевернутый, как бы пародия на мир живых. Диалог живых с умершими представляет собой словесный поединок, в котором обе стороны убеждают, уговаривают, дразнят, обманывают друг друга, проявляя широкий диапазон чувств и эмоциональных реакций — от агрессии, раздражения, негодования, огорчения, печали и т. п. до выражения любви, нежности, заботы, внимания. Нередко эти диалоги сопровождаются раскатистым смехом. В процессе диалогов как противоборстве чувств происходит трансформация как живых, так и умерших личностей. Если мы вспомним, что в шаманском камлании происходит сильная психологическая разрядка, то диалоги, ведущиеся устами находящейся в трансе шаманки, безусловно, являются ярко выраженным способом снятия психоэмоционального напряжения.

Определяющую роль в системе отношений двух миров играет понятие смерти, умершего, точнее, понятие *сонум* — весьма загадочное и сложное,

с точки зрения автора книги, обозначающее одновременно и сущность, и состояние и являющееся главным принципом причинности всего, что имеет какое-либо отношение к человеку. Он вводит это понятие в самом начале книги, в первой ее части, но не спешит сразу дать дефиниции. На протяжении всей книги отдельные грани, черты и свойства понятия *сонум* будут постепенно раскрываться, конкретизироваться, наполняться новым содержанием и анализом воздействия на живых, что подведет автора к определению понятия *сонум*, более или менее адекватному тому, что имеют в виду сами представители племени сора. Размышляя об этом в начале книги, П. Витебский отмечает, что подобные понятия существуют у многих, если не у всех народов мира и обычно передаются их английскими эквивалентами, такими как *God* или *god*, *spirit*, *deity*, *power*. Но его эти определения не удовлетворяют, поскольку они либо заранее создают у читателя предвзятое представление о предмете исследования, либо вообще являют собой нечто вроде «черного ящика», недоступного внутреннему анализу. Природа понятия *сонум* очень противоречива: сонумы преследуют живых, наносят ущерб, стремятся поглотить души живых, вызывая у них болезни и даже смерть, подобную той, какой умерли сами сонумы. В то же время сонумы защищают, питают и всячески покровительствуют своим потомкам. Автор подробно описывает места их обитания и классифицирует их по дистанцированности от момента смерти и по степени их трансформации и воздействия на живых. Так, он выделяет сонумов Переживания или Жизненного опыта (*Experience*), сонумов = Предков (*Ancestors*) и промежуточных сонумов = Земли (*Earth*). Эти сонумы изоморфны так называемым недавним, старым и средним сонумам или разрушительным, спокойным и нейтральным. Фундаментальную основу общества составляют старые сонумы или предки в полном смысле слова, выполняющие защитные, охранительные и благопринносящие функции. Наиболее сильное вредоносное влияние, причиняющее сильные страдания живым, исходит от недавно умерших, т. е. сонумов Переживания. Прослушивая даже спустя много лет магнитофонные записи диалогов с ними, в которых выражены горе, печаль и боль утраты, автор не мог сдержать слез от силы их эмоционального воздействия.

Понятие *сонум* настолько всеобъемлюще у сора, что книгу П. Витебского, по его собственному определению, можно рассматривать, по существу, как пространственный комментарий к этому понятию (с. 255). Постоянно возвращаясь к нему, раскрывая различные его ипостаси и функции, добавляя все новые и новые краски, в конце концов, автор находит единственный подходящий для его обозначения словесный эквивалент, а именно — Память (с заглавной буквы) как автономная категория, существующая независимо от индивидуальной человеческой памяти.

Похороны умершего у сора — это долгий обряд, который может длиться до трех лет. За это время слабеют и тускнеют отдельные свойства и черты характера умершего, живые постепенно перестают вспоминать и все меньше и меньше говорят о нем. Завершающий момент умирания состоит в том, что исчезает Память (Воспоминание), умерший в Нижнем мире превраща-

ется в бабочку — символ беззвучности и бесхарактерности у сора. Это все еще существующее сознание после смерти, но не способное ни к действиям, ни к проявлению каких бы то ни было чувств, лишенное всякого окружения. Бабочка, с точки зрения сора, — это Память без тех, кто помнит, т. е. окончательная смерть личности. Однако еще до того, как это произойдет, но тоже на завершающей стадии умирания, происходит обряд наречения имени ребенку из наследников умершего. Его совершает та же шаманка (шаман), которая совершала и похоронный обряд. Оба обряда отличаются атмосферой и эмоциональным настроем, чрезвычайно печальным, сопровождающимся рыданиями и иступленными танцами, — в похоронном обряде, и веселым, проникнутым духом театрализованности и игры, — в обряде наречения имени. Личность у сора не должна восприниматься сама по себе, с точки зрения ее рождения, формирования, зрелости, вступления в брак. Ее становление происходит только во взаимодействии с умершими, и именно поэтому книга «Диалоги с умершими», прежде всего, о живых, о роли мертвых и смерти в их жизни и, конечно же, о шамане, который осуществляет связь живых и мертвых и находится в центре всех самых значимых в жизни сора действий. Роли шамана специально в исследовании уделено не так много внимания, как, например, различным категориям умерших и внутренней логике их поведения по отношению к живым. Но все это проявляется через посредство шаманки (шамана), которая вместе с конкретными героями повествования также является главным действующим лицом книги. Фигура эта для автора остается все-таки загадочной, но он пытается по-своему и весьма плодотворно в определенной степени подойти к разрешению этой загадки. Витебский не считает возможным разделить широко распространенный взгляд на шамана как на психоаналитика или психотерапевта, по крайней мере, у сора, поскольку шаман вместе с теми людьми, которых он обслуживает, включен в ту же систему отношений между живыми и мертвыми и является лишь транслятором их слов. По этой же причине нельзя считать шамана воплощением множества отдельных личностей. Автор склонен провести иные аналогии — он сравнивает шамана с драматургом или писателем, ближе всего стоящим к Достоевскому — творцу полифонического романа, герои которого действуют независимо от воли автора. Конечно, это сравнение нельзя понимать буквально, так как у шамана гораздо сложнее отношения с временем и пространством, да и с героями — не выдуманными, а вполне реальными.

И все-таки проблема связи шаманизма с современной теорией психоанализа и психотерапии встает на страницах книги — в ее заключительной главе. Подробно сопоставляя идеи психоанализа, исходящие, в конечном счете, из теории З. Фрейда (высказанные им в знаменитой статье «Печаль и меланхолия»), и во многом совпадающие с ними идеи сора из диалогов с умершими, автор все-таки считает весьма проблематичным применение их в современной практике Запада. Слишком велики расхождения в подходе к понятию умершего (как к несуществующему на Западе и как к продолжающему жить в ином состоянии в тесном взаимодействии с живыми у пле-

мени сора), также слишком различен тот культурный контекст, в условиях которого действуют шаман и современный психотерапевт или психоаналитик, не говоря уже о разных представлениях о норме и патологии в разных культурных традициях.

Книга Пирса Витебского имела широкий резонанс в мировой науке. На нее откликнулись многие ведущие этнографические и востоковедческие журналы. Приведу выдержки только из некоторых:

«Эту книгу должны читать не только те, кто занимается Южной Азией, но и те, кто интересуется как в теоретическом, так и в практическом плане отношением людей к проблеме смерти» (Gananath Obeyesekere. *Journal of the Royal Anthropological Institute*).

«Тонкая, волнующая книга Витебского <...> являет собой поворотный пункт <...> Она не только вторгается в темную область индивидуальных эмоций, но представляет собой один из лучших легко воспринимаемых рассказов об индийском племени, написанных изнутри» (Dilip Menon. *Indian Review of Books*).

«Эта книга, попросту говоря, одна из лучших когда-либо написанных о культуре индийских племен. Гуманистический подход автора и его лингвистические способности позволяют ему взглянуть на культуру изнутри, что случается редко» (Felix Padel. *Journal of the Anthropological Society of Oxford*).

«Заменив термины *агент* и *пациент* на грамматические *субъект* и *объект*, а также убедительно предложив перевести *сонум*... как «Память» вместо таких привычных слов, как *дух* или *душа*, Витебский открывает дорогу для нового психоаналитического подхода к проблеме печали, что в определенном смысле столь же значимо для науки, как драматический сдвиг от понятия *самости* к понятию *субъект*, произведенный Лаканом. По одному этому данная книга предназначена для всех, кто интересуется психологической антропологией» (Gregory G. Maskarinec, *Ethnos*).

«Самое необычное — вывод <...> в котором сделана попытка сравнить беседы умерших у сора с фрейдистской концепцией печали <...> Автор проделал большую работу, превратив описания живых человеческих переживаний в системное исследование космологии, эмоций, теории болезней и личностной идентификации <...> «Диалоги с мертвыми» — одна из самых оригинальных книг по этнографии Южной Азии, появившихся в последнее время; а как этнографическое исследование проблемы смерти и психологии в племенной общине она абсолютно уникальна» (Richard K. Wolf, *Chicago South Asia Newsletter*).

Разделяя в целом все высказанные выше оценки, я бы хотела кратко выразить и свое впечатление от книги П. Витебского. Автор отмечает, что искусство слова у сора — самая развитая форма их искусства. Надо сказать, что в этом автор выступает достойным соперником действующих лиц своей книги. С явным литературным даром он создал живые зарисовки повседневной и ритуальной жизни сора, проникновенно рассказал об их судьбах, очень сложных взаимоотношениях между собой и показал, как конкретные

жизненные ситуации претворяются в материал научного исследования. В этом смысле читать книгу легко и увлекательно. Автор, кроме того, имеет вкус и склонность к теоретическим обобщениям, к философско-логическим построениям, которые пронизывают книгу и как в водоворот втягивают читателя. В этом смысле читать «Диалоги с мертвыми» трудно, возможно, из-за различий понятийного аппарата, далеко не традиционного и во многом непривычного для нас, а также, возможно, из-за отсутствия тех богатых ощущений и эмоциональных впечатлений, которыми переполнена была душа автора, но которые все-таки целиком передать читателю нельзя. Несмотря на многие трудности понимания, возникающие при чтении этой книги, ее не хочется откладывать после того, как перевернута последняя страница. Наоборот, в высшей степени интересный материал книги и игра ума ее автора постоянно притягивают к ней, книгу хочется читать и перечитывать, все глубже проникая в жизненные перипетии людей сора и отражающиеся в них многообразные психологические, межличностные, социальные отношения. В сущности, эта книга — о проблемах взаимоотношения культуры и личности. Такого рода исследование, уже давно высоко оцененное в мировой науке, не должно остаться незамеченным и в российской этнографии.